

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 343.326
ББК 67.408.131.11

ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА ИЛИ ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА: ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ*

И. А. Анисимова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена проблемам уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ. На основе анализа законодательства и научных положений дается уточненная характеристика наиболее дискуссионных признаков преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ: предмета и объективной стороны. Информация, содержащая призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдывающая или пропагандирующая терроризм, рассматривается как предмет преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ. Предложены рекомендации по толкованию признаков предмета и объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, и квалификации данных преступлений.

Ключевые слова: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма, предмет преступления.

PUBLIC INCITEMENT TO TERRORIST ACTIVITY, PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM OR ADVOCACY OF TERRORISM: PECULIARITIES OF THE SUBJECT AND THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

I. A. Anisimova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the problems of the criminal liability for crimes covered by article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of legislation and scientific principles the author gives a refined description of the most controversial elements of crimes covered by article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. They are a subject and an objective side. Information containing incitement to terrorist activity, justifying or promoting terrorism is considered as the subject of crimes

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты».

under article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article offers recommendations for interpretation of the signs of the subject and the objective side of the crime under article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and qualification of these crimes.

Keywords: public incitement to terrorist activity, public justification of terrorism, advocacy of terrorism, subject of crime.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)4.1)

Противодействие терроризму является одним из главных направлений международной и национальной политики. Международные акты о противодействии терроризму ориентируют национального законодателя на принятие эффективных мер по борьбе с проявлениями терроризма в рамках уголовного законодательства. Общеизвестно то, что наиболее перспективной стратегией борьбы с терроризмом является его предупреждение. Преступления, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ, имеют мощный превентивный потенциал. Их криминализация основывается на положениях Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, обязывающих ее участников устанавливать в рамках своего законодательства уголовную ответственность за «... распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений» [1]. Международные стандарты определяют то, что уголовно-правовые меры к лицам, публично призывающим к совершению террористических преступлений и пропагандирующим терроризм, допустимо и оправдано применять тогда, когда они лишь создают потенциальную опасность фактического совершения террористических преступлений.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, предполагает анализ его признаков. В данной норме сконструирован сложный состав преступления, альтернативно устанавливающий ответственность за три общественно опасных деяния: 1) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; 2) публичное оправдание терроризма; 3) пропаганду терроризма. Рассматривая признаки этих деяний, ученые оставляют без внимания вопрос о значении информации, содержащей призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдывающей или пропагандирующей терроризм, в составе этих преступлений. Современные подходы в уголовном праве к пониманию предмета преступления позволяют признать такую информацию предметом преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ.

Предмет преступления можно определить как предусмотренное уголовным законом материальное или нематериальное явление, путем воздействия на которое причиняется вред или создается угроза причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны (преступления) [2, с. 261]. Термин «воздействие» в дефиниции охватывает различные формы уголовно наказуемого обращения с предметами преступлений. В литературе выделяют более 20 различных форм воздействия на них: уничтожение, повреждение, утрату, изъятие, хранение, ношение, распространение, создание и др. [3, с. 18]. В советский и постсоветский период развития уголовного права предмет преступления рассматривался исключительно как материальный феномен (вещь). В современном информационном обществе материальность как обязательный признак предмета утратила свое значение. Как верно заметил М. П. Бикмурзин, «традиционное понимание предмета преступления как вещи пережило свое время» [4, с. 55]. Предмет преступления включает в себя материальные и нематериальные явления, в частности информацию.

Это обусловлено тем, что современное информационное общество требует от государства обеспечения информационной безопасности, в том числе средствами уголовного права. УК РФ содержит составы преступлений, охраняющие общественные отношения в сфере различных видов информации. Признаком данных преступлений выступает та или иная информация: «сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну» (ст. 137), «тайна усыновления (удочерения)» (ст. 155), «сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183), «компьютерная информация» (ст. 272, 273, 274, 274.1), «сведения, составляющие государственную тайну» (ст. 275, 276, 283, 283.1 УК РФ) и др. Так, можно насчитать более 40 норм УК РФ, охраняющих обо-

рот защищаемой законом информации (сведений, тайны, сообщений). Такая информация, выступая конструктивным признаком составов преступлений, в исследованиях по Особой части уголовного права признается именно предметом преступлений [5, с. 19].

Кроме того, в других нормах УК РФ (ст. 205.2, 207, 207.1, 207.2, 280, 280.1, 282 и т. п.) кримиобразующее значение имеет негативная (деструктивная) информация, созданная и распространенная в обществе (сообщения, заявления, призывы). Формирование и распространение антиценностей в информационной среде не менее опасно для общества и государства, чем незаконный оборот запрещенных материальных предметов. Как пишет С. В. Землюков, воздействие на психику человека может породить искаженное представление об окружающей действительности и толкнуть его на совершение преступных деяний [6, с. 99]. Таким образом, негативная информация в виде идей, взглядов, получая закрепление в качестве признака в конкретном составе преступления, становится значимой для квалификации, требует установления и доказывания, а потому также должна признаваться предметом преступления.

Информация как предмет преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, — это «... сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [7]. А. А. Стрельцов разграничивает эти понятия. По его выводам, сведения представляют собой результат отражения окружающей действительности в организме, сообщение — набор знаков, с помощью которых сведения, накопленные одним организмом, могут быть переданы другому организму и восприняты им, а понятие «данные» выступает как разновидность сообщений, предназначенных для автоматизированной обработки с использованием средств вычислительной техники [8, с. 16–18]. Соответственно, информацию в этом составе преступления можно конкретизировать как сообщения независимо от формы их представления.

Предметом в рассматриваемом преступлении, во-первых, признается сообщение, содержащее призыв к осуществлению террористической деятельности. З. А. Шибзухов называет два основных критерия, которым должна отвечать информация для признания ее террористическим призывом: внешнюю форму своего выражения в виде сообщения, предложения, лозунга, воззвания или другой формы обращения к соответствующим адресатам (объективный критерий). С субъективной стороны передача такой информации должна сопровождаться специальной целью «возбудить желание» у адресатов осуществлять террористическую деятельность, а сами сообщения должны быть способны сформировать такое побуждение (субъективный критерий) [9, с. 67–72]. С содержательной стороны призыв характеризует то, что он является побуждением к осуществлению «террористической деятельности» в ее уголовно-правовом значении. Ранее учеными и практиками обращалось внимание на проблему оценочности термина «террористическая деятельность» в первоначальной редакции ст. 205.2 УК РФ. Определения террористической деятельности, предлагаемые в Федеральном законе «О противодействии терроризму» [10] и в ст. 205.1 УК РФ, были не пригодны для целей ст. 205.2 УК РФ, поскольку они различны по своему содержанию и не охватывают всех возможных уголовно-правовых проявлений терроризма. В связи с этим законодателю рекомендовалось раскрыть понятие «террористическая деятельность» непосредственно в ст. 205.2 УК РФ [9, с. 64–67]. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ конкретизировал это понятие в Примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ, указав то, что под террористической деятельностью в данной статье понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ [11]. Еще один обязательный признак призыва — его общий характер, состоящий в неконкретизированности призыва и неопределенном (неперсонифицированном) круге лиц, к которым он обращен. Склонение индивидуально определенного лица к совершению конкретного преступления террористической направленности образует содействие к террористической деятельности (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) либо подстрекательство к совершению преступления. Общие призывы исключают конкретизированное воздействие на сознание и волю индивидуально определенного лица и осознание признаков преступления, которое может быть совершено этим лицом [12, с. 156–157]. Они не должны содержать конкретных указаний об объекте, месте, времени и способе совершения преступления террористической направленности [13, с. 168–169].

Во-вторых, предметом преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, является информация, оправдывающая терроризм. Согласно примечанию 1 к ст. 205.2 УК РФ, оправдание терроризма — это заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Соответственно, опираясь на законодательное определение терроризма [10], ин-

формацию, его оправдывающую, можно буквально определить как заявление о признании идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий, нуждающимися в поддержке и подражании. Однако такая широкая трактовка предмета преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, не отражает природу данного уголовно-правового запрета и не отвечает требованию о формальной определенности уголовно-правовой нормы. С учетом положений п. 1 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма [1] и толкования текста диспозиции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ корректно предмет рассматриваемого преступления уточнить как информацию, оправдывающую террористическую деятельность.

В-третьих, предмет преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, образует информация, содержащая пропаганду терроризма. Как указано в Примечании 1.1 к ст. 205.2 УК РФ, это информация, направленная на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Пропаганда терроризма как альтернативное общественно опасное деяние была криминализована Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ [14] и восполнила законодательный пробел, выявившийся при применении нормы, предусмотренной ст. 205.2 УК РФ. Не все обращения, совершенные в целях побуждения к совершению террористических преступлений и создающие опасность их совершения, можно было квалифицировать как призывы к террористической деятельности или как оправдание терроризма. В частности, это касалось информации, содержащей позитивную оценку и прославление террористов. К примеру, по конкретному уголовному делу по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ информацией, пропагандирующей терроризм, были признаны сообщения, в которых «... утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы» [15].

Полагаем, что общим признаком сообщений, оправдывающих или пропагандирующих терроризм, должна быть их способность по своему содержанию создавать опасность совершения одного или нескольких преступлений террористической направленности, а субъект, их высказавший, должен преследовать цель «побуждения к совершению террористического преступления». Данный субъективный признак прямо не отражен в диспозиции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, однако он диктуется нормой п. 1 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма [1]. Этот признак позволяет определить границы преступного поведения и пределы права на свободу слова.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, выражается в действиях, посредством которых распространяется информация, содержащая призывы к террористической деятельности, оправдывающая или пропагандирующая терроризм. Способы распространения информации, составляющей предмет данного преступления, могут быть различными, например, устная, письменная формы или использование технических средств. Совершение действий с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, образует квалифицированный вид преступления, который предусмотрен ч. 2 ст. 205.2 УК РФ.

Обязательным признаком является публичность распространения информации, создающей опасность совершения преступления террористической направленности. В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1 разъяснено то, что вопрос о публичности совершаемых действий «... должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.)» [16]. Признак публичности имеет место, если информация, составляющая предмет рассматриваемого преступления, передается двум или более лицам. Конечно, аудитория слушателей часто гораздо больше, чем два человека, но с позиции формального уголовного права необходимо и достаточно, чтобы информация была распространена минимум в отношении двух лиц.

Преступление окончено с момента публичного распространения информации, содержащей призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдывающей или пропагандирующей терроризм, независимо от того, удалось ли вовлечь адресатов в ряды сторонников терроризма. Недостатком законодательной техники в ч. 1 ст. 205.2 УК РФ является то, что буквально речь в ней идет не о «призыве», а о «призывах», то есть о двух или более обращениях к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. Вместе с тем в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 [16] и научных комментариях акцентируется внимание на том, что призывы окончены с момента провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения [17, с. 16]. Кроме того, Верховный Суд РФ уточняет момент окончания некоторых других видов анализируемого преступления. Так, оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица с сообщением, оправдывающим терроризм [16, п. 20]. Действия, совершенные с использованием средств массовой информации, окончены «... с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию)» [16, п. 21]. При массовой рассылке сообщений абонентам мобильной связи или использовании сети Интернет момент окончания преступления — это момент отправления сообщений другим лицам либо размещения информации в сетях общего пользования: на сайтах, форумах, блогах [16, п. 21.1].

При уголовно-правовой оценке деяний, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, следует учитывать правило квалификации сложных составов преступлений, содержащих альтернативные признаки. Совершение действия в отношении любого из предметов преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, образует его оконченный состав; а распространение информации, одновременно содержащей призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдывающей и пропагандирующей терроризм, не образует совокупности преступлений. Так, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ установила, что С. А. В., разместивший для всеобщего просмотра в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице запись и комментарии к ней, совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, а также пропаганду терроризма, и квалифицировала содеянное им по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ [18].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма: заключена в г. Варшаве 16.05.2005 (п. 1 ст. 5) // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901937508>.
2. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020.
3. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
4. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2006.
5. Грошиков К. К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана : монография. М. : Юрлитинформ, 2011.
6. Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ст. 5) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Стрельцов А. А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
9. Шибзухов З. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
10. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ст. 3) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

12. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А. В. Наумова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
13. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 3 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму : Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // Верховный Суд РФ. URL: <http://vsrf.ru/documents/practice/?year=2020>.
16. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Верховный Суд РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2012&before=1.
17. Устинова Т. Д. Квалификация преступлений против общественной безопасности : учеб. пособие / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2016.
18. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 34.09
ББК 67.0

ИСТОЧНИКИ НАУЧНОГО ПРАВА

А. А. Васильев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются источники научного права, регулирующие отношения в сфере организации, финансирования и проведения научных исследований. К источникам научного права автор отнес нормативные правовые акты, судебную практику, международные правовые акты, правовые обычаи и локальные нормативные акты научных и образовательных организаций. При этом еще предстоит выработать доктрину научного права, которое в перспективе может занять место источника «права науки».

Ключевые слова: научное право, право науки, источники права, правовой обычай, судебная практика, локальные акты, правовая доктрина, международное право.

SOURCES OF SCIENTIFIC LAW ANNOTATION

A. A. Vasilev

Altay State University (Barnaul, Russian Federation)

The article discusses the sources of scientific law that regulate relations in the field of organization, funding and research. The author classified normative legal acts, judicial practice, international legal acts, legal customs and local normative acts of scientific and educational organizations as sources of scientific law. At the same time, the doctrine of scientific law has yet to be worked out, which in the future may take the place of the source of the “law of science”.

Keywords: scientific law, science law, sources of law, legal custom, judicial practice, local acts, legal doctrine, international law.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)4.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)4.2)